

Владимир Кулеба

Три повести под одной крышей

Виагра

1

Мишка Огородник, он же Огород, он же Мих Михович, а иногда еще Луноход и Бараболя, сидел в воскресенье утром на залитой солнцем террасе ресторана «Салют» под голубыми зонтиками. От нечего делать он пересчитал еще раз их: одиннадцать зонтиков, девять столиков, четырнадцать ступенек. Счастливые числа, отметил Мих Михович, сегодня должно пофартить. Действительно: 11 — это футбольная команда. Она может играть по схеме: 4–2 — 4, которую во всем мире называют бразильской, потому как в 1958 году именно сборная Бразилии, применив такое расположение игроков, стала чемпионом мира, обыграв в финале Швецию со счетом 5:2. Великолепно тогда сыграл 16-летний Пеле. Новинка в тактике произвела взрыв бомбы — весь мир играл по схеме «дубль-вэ», т. е.: 3 защитника, 2 полузащитника и 5 нападающих. За счет своего гениального изобретения бразильцы торжествовали

и через четыре года, в Чили. А вот в 1966-м победили англичане, в Лондоне, на «Уэмбли». И тоже, представьте себе, применив новую расстановку: $4 + 4 + 2$, затем пришел черед немцев и голландцев с их тотальным футболом ($4 + 3 + 3$), но как не переставляй фишки, в итоге получится всего 11 (10 плюс вратарь).

И с цифрой «9» у Миши Огородника были связаны приятные воспоминания, теплая ностальгия по давно ушедшим временам, когда он сам бегал в футбол, однажды даже в футболке с тем самым девятым номером, под которым тогда выступал за «Динамо» кумир их молодости Анатолий Бышовец. Какие финты и проходы он демонстрировал, а дриблинг, а удар в падении через себя «ножничками»! Жаль травмы замучили, а то бы не только в Мексике памятник Бышу поставили, но и в Киеве тоже. Впрочем, в Киеве вряд ли. Мих Михович давно убедился: Киев легко создает кумиров, но еще с большей легкостью их ниспровергает, забывает, не ставит ни в грош, будто вовсе и не тому или другому аплодировали еще вчера, стоя. Где они, вчерашние, кто их помнит, кто о них грустит? Тот же Быш, Мунтян или Олег Блохин? Киев любит только тех, кто сегодня сверху. Хорошая, кстати, фраза, для тоста можно использовать. Итак, 11 и 9 — хорошо, с ними ясно. А вот 14? И Мих Михович вспомнил,

что когда брали билеты в кино, им всегда попадались 13-е и 14-е места. И в номерах телефонов обоих была цифра «14». Это в их кругу тоже считалось счастливым совпадением.

Какая же ерунда может лезть в голову серьезного человека, когда он в субботний день нежданно-негаданно вдруг оказывается не в привычной обстановке — дома, в кругу семьи, перед телевизором, с утренним кофе и газетой, а за летними столиками в кафе гостиницы, куда и вход-то по пропускам! В привычной домашней атмосфере все известно заранее: о чем тебя спросят, что ты ответишь, прихлебывая кофе из любимой чашки, привезенной когда-то из Парижа, и даже передача по телевизору всегда одна и та же. Что здесь может быть нового? Ничего. И мысли свежей, оригинальной, тоже ни одной. Заезженная пластинка. Ну разве дома могло бы прийти в голову сочетание цифр: 11, 9 и 14? Да ни в жизнь. То ли дело на солнышке, 27 мая, под зонтиками в «Салюте». Кстати, уже без пятнадцати одиннадцать. Через пятнадцать минут должна подъехать Маринка, не пора ли принять таблетку?

Мих Михович достал из кармана пиджака обычный пузырек, в котором запросто мог помещаться и аспирин. Он ощущал этот пузырек всю дорогу, пока шел пешком в кафе, в выходной машину специально не заказывал. И здесь, пока

сидел и пил кофе, чувствовал, что пузырек в кармане. Мих Михович, во-первых, никогда ничего не носил в карманах — ни носовой платок, ни расческу или портмоне с деньгами и документами. Он даже не расшивал карманы пиджака, если они бывали зашитыми. Двойной выигрыш — ничего туда зря не сунешь, костюм будет хорошо сидеть и дольше сохранится, выглядеть аккуратно. Поэтому и чувствовал пузырек, ощущалось его присутствие как лишней вещи, создавая дискомфорт, мешал, мулял. С таблетками по жизни не сталкивался, разве когда приходилось принимать аспирин, а Миша Огородник никогда практически не болел и не брал больничный, просто клал в карман рубашки две-три таблетки, которые чаще всего за ненадобностью потом выбрасывал.

Теперь же у него пузырек. Он аккуратно высыпал на ладонь несколько таблеток — светло-голубого, нежного цвета, с вырезанными буквами «Vgr». Что и должно было обозначать «Виагра» — жуткий дефицит и чудодейственное средство для поднятия мужской силы. Не пора ли, за 40 минут, как и предписано в инструкции, принять таблетку, ведь Маринка приедет совсем скоро? Мих Михович решил пока воздержаться, закрыл пузырек маленькой пластмассовой пробочкой, а перед этим — ваткой, а сверху — закручивающей пробкой. Инструкцию по привычке

переложил в карман тенниски. Голубого, небесно-синего, такого же, как и таблетки виагры цвета. Бывают же совпадения в жизни.

А ведь и виагра досталась ему при весьма странном стечении обстоятельств. Пребывая как-то в командировке в Стокгольме, изнывая там от тоски и ничегонеделанья, когда уже и выпивка кончилась, Мих Михович встретил в ликероводочном супермаркете Виктора Викторовича, с которым они когда-то сидели рядом на пленумах Шевченковского райкома компартии в г. Киеве и где сейчас — страшно подумать — посольство США, в том же самом здании. «Где бы мы еще встретились!» — закричал Виктор Викторович, нагнав приличного шороха на нескольких законопослушных шведов, старательно делающих вид, что к приему и покупке алкоголя они не имеют никакого отношения. Кто хоть раз был в Швеции, или в других скандинавских странах, знает, насколько хлопотное дело купить там, скажем, бутылку водки. Во-первых, надо найти умело законспирированный магазин, один на весь район, во-вторых, выстоять очередь. Впрочем, очередь не в нашем понимании, люди здесь не толпятся, даже не стоят — сидят в удобных креслах, попивают кофеек, покуривают себе, ожидают, когда на табло, точь-в-точь, как когда-то в Шереметьево, высветится номер, заиграют мелодичные позывные,

и если цифры у вас в чеке (надо выбить в автомате заранее) совпадают, значит, вперед, ваша очередь, к прилавку. Мих Михович, конечно, ни о чем таком не ведал, потому и наклонился сразу к прилавку, не обращая внимания на стоящего в ожидании покупателя. Он уже окликнул было продавца, чтоб справиться, почем вот это вот винишко в литровых галлонах, как столкнулся с Виктором Викторовичем. «Благодари Бога, что это я оказался, а то бы тебе такую лекцию устроили, эти зануды...» Взвзвываясь неизвестно откуда распорядитель в темно-малиновом фирменном пиджаке и напоминающий внешне скорее премьер-министра, уже был тут как тут. «Что за дела, не видишь разве, мы вместе!» — осадил его пыл Виктор Викторович по-английски, и также по-английски они быстро покинули этот супермаркет.

«Ишь, что придумали, чтобы не было видно, что очередь. Капиталисты вшивые, показуха на каждом шагу!» — «А выпить-то — тоже губа не дура!»

Они условились созвониться, и Мих Михович пригласил Виктора Викторовича в свой «Гранд-отель» над самым озером, пятизвездочный, где останавливались все знаменитые люди, их портреты висели везде по стенам, даже в лифте (потом, правда, выяснилось, что в лифте висела фотография владельца отеля). Посидели

по-свойски, как в лучшие времена, в номере, купили в лавке помидоры, персики, клубнику, баночку оливок, колбаски, ну и бутылка «Абсолютика» пошла, как дети в школу. Без церемоний, на газетке. Тогда-то, в пятизвездочном номере, Виктор Викторович и поведал Огороднику про чудо-препарат для повышения потенции. «Принимаешь таблетку, и три-четыре часа не слезишь с человека. Никаких проблем». — «Сам-то пробовал?» — «Пока не доводилось. Так общеизвестно же, виагру во многих странах разрешили, чудо XX века, а главное, — совершенно не отражается на здоровье. Между нами говоря, я кое кому для пробы давал, приставали сильно, ну и положение такое, — отказать нельзя. Житья не стало на работе, хоть телефон отключай...»

Как часто бывает после долгой заграничной поездки, в институте у Мих Миховича накопилось столько дел, что он сразу позабыл и Стокгольм, и Виктора Викторовича, и про чудо-препарат его не вспомнил ни разу. Кабмин наконец-то соизволил выделить средства на новую аппаратуру, такая удача привалила впервые, как Мих Михович директорствовал, дело незнакомое, трудное, нельзя было дать себя облапошить, тем более что охотников вокруг, хоть отбавляй. А тут еще грипп подкосил зама, курировавшего этот участок, подключить кого-то было поздно, он замкнул на

себе, что, как известно, не способствует повышению эффективности работы первого руководителя, когда тот начинает размениваться по мелочам, берется сам за выполнение конкретной работы, вместо того, чтобы организовать ее выполнение, подобрать и грамотно расставить людей, назначить ответственных по направлениям и всей цепочке, ежедневно контролировать исполнение. В общем, было не до виагры. И все же как-то вспомнил о ней, укладываясь в постель с женой, невесело усмехнувшись, рассеянно, как о какой-то игрушке, о мимолетном забавном приключении, случившемся в другой жизни.

Виагра, между тем, легко преодолевала границы, публикации о чудодейственном препарате заполнили страницы газет, о ней, опустив глаза, с придыханием рассказывали телевизионные дикторши. Разбирая ежедневную почту, наткнулся на пригласительный на презентацию виагры. Мих Миховича часто приглашали на приемы, выставки, коктейли и презентации, но он последнее время почти не ходил, отдавал открытки заместителям. Не то что раньше! Начало девяностых, когда в Украину хлынули со всех сторон — купеческие фуршеты, обеды, деловые завтраки — чуть ли не ежедневно. Коньяки лились рекой, да какие коньяки — от курвуазье, камю и хэннеси до честно выдержанной трехгодичной ужгородской «Тиссы».

А закусок — таких они в жизни не видели, на юбилей взятия Бастилии самолетом из Парижа доставили свежайшие салаты, спаржу и две бочки бордо! Захолустный и провинциальный Киев, столица советской Украины, всю жизнь прослуживший в вассалах Москвы, даже в Польшу через Москву летали, теперь семимильными шагами (скорее — глотками) наверстывал за все семьдесят с лишним лет.

Огородник, как и большинство людей его круга, не пропускал ни одной презентации, ни одного фуршета. Тусовались практически одни и те же, все знали друг друга, весело проходило время, созванивались: «Ты идешь?» — «А ты?» — «Встретимся на приеме!» Сейчас как отрезало. Осточертело, лень, да и поздно потом возвращаться. Машину держать. Ради дармовой еды и выпивки? Так уже наелись-напились на долгие годы, тошнит, через уши лезет. Да и что там нового? Одни и те же лица, пустые разговоры, анекдоты с бородой, подковырки. Давно уже все это не греет. И он перестал ходить, сторонился всех этих компаний, выпивок необязательных. Раньше — искали, где бы выпить. Сейчас — ищут как бы соскочить.

Как-то во вторник, 23 февраля прошлого года он так напоздравлялся — на работу не дошел. Какой знаменитый советский праздник был — 23

февраля, День Советской Армии. Мужчин женщины поздравляли. А те, кого угораздило еще родиться в этот день, — вдвойне счастливыми слыли. В этот день родились премьер-министр и глава нацбанка. Люди премьера сказали Мих Миховичу: «Приезжайте со своими в десять тридцать. Позже никак невозможно. У вас будет 15 минут, достаточно. В 11 — министр иностранных дел, в 12 — аппарат, в 13 — президент. Бери хлопцев — и как штык, не опаздывайте». У премьера выпили по две рюмки. Директор такого же института Андрей Крупка, земляк главы нацбанка, договорился с тем на 11.30. По три рюмки. У академика Шлыкова, который был с ними, тоже день рождения. Он приглашал, правда, на семнадцать, но перерешили: он ведь с ними поздравлял, да и рядом здесь — на Кудрявской, чтобы вечером не гнать машину — по три рюмки. Обедать поехали напротив в ресторан, академик, оказалось, побеспокоился заранее, замов своих взял, еще нужные люди подъехали. В четыре он уже лично поехал к Ивану — закадычному дружку, на левый берег, у того тоже день рождения. Распили бутылку коньяку и чуть не уснули у него в кабинете. Не заезжая в этот день на работу, он еле домой добрался. А завтра была среда. Мать родна! А в среду у Мих Миховича такие дела — никак не отложишь, нельзя, невозможно. После того

«черного вторника» он дал себе зарок: никуда и ни к кому не ездить. Обижаться будут? Ну и леший с ними! Притупился интерес, не стало того бесшабашного: а пропади все пропадом, живешь ведь только раз, а там будь что будет. И про утро завтрашнего дня подумать надо. Уже хотелось тишины, покоя, чтобы не мучиться весь следующий день, не перешибать похмелье «миргородской».

Он даже радио в служебной машине велел не включать, когда садился ехать. Все молча, без лишних эмоций, затрат энергии. «Давайте хоть новости послушаем!» — говорил Анатолий, водитель. — «Да нет, спокойнее будет». По субботам-воскресеньям газет не читал из принципа, информационные программы старался пропускать, прощелкивать «пилотом», проскакивать на вороних. Посмотрел как-то сдуру политическую передачу по УТ-1 в воскресенье вечером, «7 дней», всю ночь кошмары снились, утром встал разбитый.

И все же на презентацию решил сходить. Тем более, проходила она в интересном месте — бывшей высшей партийной школе, по ул. Мельникова. Для непосвященных — пустой звук, но только не для Мих Миховича. Он умел читать между строк, знающему человеку достаточно только намек, штришка, одного слова, чтобы за несколько секунд восстановить картину: кто за кем стоит, кто заказывает, а кто — оплачивает, кто

истинный организатор, а кто — для «крыши», какие ходят деньги, кто банкует. Факт презентации в ВПШ, где он когда-то учился, а потом некоторое время и преподавал, означал, что на распространение, продажу, рекламу, все, что связано с виагрой, руку наложили бывшие компартийные вожди, умело соскользнувшие в 91-м, вовремя переведшие стрелки на второстепенные фигуры, а деньги — на счета в оффшорных зонах. Они переждали, пересидели в квартирах на Липках самые трудные дни, теперь легализовали свой бизнес, отмывая «золото партии». Их имена не упоминались в газетах, не звучали на «круглых столах», в дискуссиях, не мелькали на телеэкране. Иногда кто-нибудь вспомнит невзначай: «А где такой-то?» — «В коммерческой структуре.» И весь ответ. Где, в какой, кому принадлежащей? То ли в СП, то ли в АО, но чем занимается конкретно, — не известно. И в депутатах от них немного — человек пятнадцать. Но все рычаги и нити держат в своих руках. Как публичные политики не светятся, их мало кто знает. Все делается тайно, под столом. И недвижимость сохранили, ничего дерьмократам и руховцам горластым не отдали. Поэтому, увидев на приглашении адрес, он сразу понял, что к чему. Да и само приглашение было слишком знакомо: таких пригласительных билетов они, работая в Киевском

горкоме партии, значили около двухсот тысяч штук. Старые партийные приглашения, которые так нравились Афанасию Игоревичу, сокращенно: «АИ», их первому, и даже, говорили, самому ВэВэ. Правильно, что тогда не порезали, не пропустили через машину, а вынесли из уже опечатанного здания, сохранили. Только вкладыш отпечатать — и готово! Сколько денег сэкономили, особенно поначалу, когда каждая копейка на счету.

Презентация удалась на славу и была исполнена с широтой размаха. Длинноногие барышни, почти все в его рост, и где только бывшие компартийные боссы их заказали (впрочем, это сейчас вряд ли составляет проблему), встречали гостей у самого входа и под руку вели каждого в зал, передавали другим, томящимся у серебряных подносов, на которых, как солдаты в строю, застыли фужеры с мартини и вермутом, хрустальные рюмашки с прозрачной мутной от долгого стояния в холодильнике водкой «Гетьман» и отечественного коньяка. За столиками отдельно взбивались коктейли, виски с содовой и джин с тоником со льдом, естественно. Здесь же легкая закуска — орешки, фисташки, соленые печеньеца, соломка, мелкие сухарики, баранки. Народ вокруг — бывалый, под пятьдесят, молодежи нет совсем, впрочем, откуда ей взяться. Молодежь в других местах в это время — по биллиардным, секс-барам,

кабакам и казино. Рано их еще к серьезным делам допускать, пусть повыкобеливаются, погарцуют, пока молоды. Перебесятся — поумнеют. Ну а мы пока по-стариковски, чем Бог послал, перекусим...

Банковал Виктор Викторович. Они столкнулись у главного столика, обнялись, расцеловались. «Помнишь, что я тебе в Стокгольме тогда говорил? И ездил-то туда в командировку, договор подписывать. Нельзя было открывать карты, коммерческая тайна, так что не сердчай. Не обиделся? Ну и молоток. Не спеши уходить, Мишка, побудь до конца, на выходе будут виагру дарить, по пузырьчку. Цена знаешь какая? Семнадцать долларов таблетка, только по рецептам отпускается. Так что пригодится, понял?» — и он заговорщицки, как в молодости, когда в райкоме еще работали, подмигнул. «Помнишь, как ты мне когда-то обои на кухню доставал? А я не забыл, брат. Держи, это от меня персональный презент. — И он сунул в карман пузырек. — Только не рассматривай сейчас, а то налетят. Дома вскрыешь!» — и растворился в толпе.

Так Мих Миховичу досталось два пузырька виагры — один от Виктора Викторовича, персонально, другой — на общих основаниях. Тогда он думал: блажь, зачем, и без виагры есть еще порох, не так он плох для своих сорока восьми, в соку мужчина. Бутылочки в сейф спрятал, думал

долго не понадобятся. Во всяком случае, принимать не собирался. Не было необходимости, во-первых, и не пользовался он в жизни никакими стимуляторами, успокоительными, возбуждающими, снотворными и прочей ерундой. Не терпел всякой химии, таблеток, презервативов, тошнило. Жил, как жилось, не жаловался на судьбу. Закрыв в сейф — и забыл. Как про партбилет, профсоюзную карточку, корочку диплома — лежали, пылились годами. Выбросить — как-то жалко, рука не поднимается, так и валяются там под ворохом бумаг, рядом — несколько фотокарточек комсомольских времен, на вечеринках и пикниках. Тоже не всем смотреть полагается, не каждому доверишь. Но и рвать или ножницами резать — рука не поднимается калечить лица бывших возлюбленных, и так столько горя принес им в свое время.

И вот сегодня — такой день. Виагра, кажется, может понадобиться. Он вызвонил Маринку, через десять минут они должны встретиться и поехать в его «загородную резиденцию». Мих Михович назначил ей в том кафе, где с улицы особисты не пускали посторонних, его же знали, здоровались за руку. Он приходил посидеть сюда в решающие, переломные моменты, если выпадала возможность, конечно. Сам Мих Михович считал, что это место приносит ему удачу. Вот выпьет кофе, затянется

последний раз: ну, с Богом, пошел! И официантки, и подавальщицы, и буфетчицы — все были свои, помнили его еще по работе в аппарате. После разгона компартии многие со столовой на бывшей Орджоникидзе — нынешней Банковой — оказались здесь, в гостинице, благодарили судьбу, что не остались без работы, за воротами. Почему-то вспомнилось, как он зашел сюда в тот день, когда вручили орден. Начало июня, жара стояла сумасшедшая. Они несли пиджаки на руках, да и то, пока дошли от гостиницы «Киев» до Мариинского дворца, и там долго стояли, пока всех проверяла «девятка», рубашки взмокли бирюзовыми, голубыми и белыми разводами. Он по традиции зашел сюда, в кафе, и выпил стакан минералки, отдышался под кондиционерами. Вода выходила из него потом. Накануне на шашлыках, в лесу, он сломал большой палец правой руки, был в гипсе, прятал его под пиджак. И все равно, когда пожимал руку президенту, тот увидел, рассмеялся, приподнял его руку своей: «Орден за мужність. Дивіться, справді постраждав!». Кто-то рассмеялся, зааплодировали. Этот момент потом целый день по всем программам крутили. Немногие знали историю этого перелома, президент знал. Только то, что в гипсе, — ему не говорили. Потому так и удивился.

Чтобы скоротать время, еще раз прочитал

инструкцию:

«Виагра быстро всасывается после приема через рот с абсолютной биологической доступностью около 40 %. Выделяется из организма преимущественно вследствие печеночного метаболизма. Имеет конечный период полувыведения около 4 часов. Всасывается быстро. Максимальная концентрация в плазме крови достигается через 30-120 мин. (в среднем 60 мин.) при приеме через рот. Когда Виагра принимается с очень жирной пищей, уровень всасывания снижается на 29 %. При исследовании спермы через 90 мин. после приема лекарства обнаружено менее, чем 0,001 % препарата в сперме обследованных.

Фармакокинетика (концентрация и скорость прохождения лекарственного средства в организме) среди отдельных популяций населения: пожилые люди — здоровые пожилые добровольцы (65 лет и больше) имеют сниженный коэффициент очищения крови от препарата, уровень препарата в плазме на 40 % выше, чем у добровольцев 18–45 лет.

Почечная недостаточность: у добровольцев со средней и умеренной почечной недостаточностью фармакокинез разовой, дозы препарата не был изменен. У добровольцев с сильной почечной недостаточностью очищение

крови от препарата было снижено.

Почечная недостаточность: у добровольцев с циррозом печени очищение крови от препарата было снижено. Большинство исследований показало эффективность препарата через 60 мин. после приема. Время действия препарата около 4 часов, но с некоторым снижением эффекта через 2 часа.

Разовая доза препарата (100 мг) не показывает каких-либо существенных изменений в электрокардиограмме у здоровых людей. Разовая доза препарата (100 мг) в среднем понижает артериальное давление на 10 мм ртутного столба, подобно действию препарата у пациентов с ишемической болезнью при приеме 40 мг. Большое влияние на кровяное давление замечено при параллельном приеме препарата, содержащего нитраты.

КЛИНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

В клинических исследованиях виагра оценивалась по ее эффекту у мужчин с нарушением эрекции. Препарат был назначен более чем 3000 пациентам в возрасте от 19 до 87 лет с нарушением эрекции, длящейся около 5 лет. В конце лечения и длительного исследования 88 процентов пациентов отметили, что виагра улучшила их эрекцию, улучшились аспекты сексуальной активности: частота и поддержание эрекции, частота

оргазма, частота и уровень семяизвержения, частота, удовлетворение и получение удовольствия от полового сношения.

Виагра была эффективна при нарушении эрекции у пациентов, в анамнезе которых встречались такие заболевания, как сердечно-сосудистые, гипертония, другие сердечные заболевания, заболевания периферийных сосудов, сахарный диабет, депрессия, операции сердца, удаление простаты, повреждение спинного мозга и у пациентов, принимающих антидепрессанты, противогипертонические и мочегонные препараты.

Показания: виагра показана для лечения нарушений эрекции.

Противопоказания: применение виагры противопоказано при повышенной чувствительности к одному из компонентов, входящих в ее состав. Так как виагра показала гипотензивный эффект (понижает артериальное давление) в сочетании с нитратами, оно противопоказано пациентам, употребляющим органические нитраты или лекарственные препараты, содержащие нитраты».

Ну все, пошел! Он положил таблетку далеко на язык и запил соком.

Вряд ли кто из знакомых и друзей Мих Миховича догадывался, что этот внешне благополучный, уверенный в себе, ни в чем никогда не сомневающийся, немного консервативный и начинающий уже полнеть, — короче говоря, стопроцентный чиновник, всегда принимающий сторону начальства, — на самом деле — сложное, не поддающееся простым решениям существо, живущее двойной жизнью. И эта вторая жизнь, невидимая постороннему глазу, какую он так старался от всех спрятать, и есть его настоящая жизнь. А та, что у всех на виду, — так, «про людське око».

Когда она у него появилась, Мих Михович вначале очень переживал, суетился, мучился: не видят ли окружающие, что он начал так себя вести, иначе, по-другому, не как прежде? Стал внимательнее приглядываться к подчиненным, многих знал едва ли не с детских лет, такие все предсказуемые и прозрачные, а вдруг и у них есть то, что они тщательно скрывают, берегут? Уж если на то пошло, именно в той, другой жизни, как раз и проявляются все лучшие качества и черты характера, которые не видны в обыденной суеде и теучке. И там он не занудный начальник, под руку которого лучше не попадаться, когда не в

настроении, а великодушный, деликатный, нежный и ласковый, умеющий предугадывать любое желание, любой каприз близкого человека. Когда у Татьяны в гостинице внезапно разболелась голова, начался ее приступ, существование которых она тщательно скрывала все время, а тут на тебе, схватило, Мих Михович пошел луноходом по всем этажам, стучался в каждый номер, пока не нашел нужных таблеток. Вот если б узнали те, кто его, как им кажется, знал, — удивились бы. Смеху было бы!

Здоровьем, благодаренье Господу, природа не обидела, всегда правофланговым и в школе, и в институте, и на сборах в армии, в волейбол — любимая игра — такие «гвозди» вколачивал — мяч отлетал под потолок. Русые волосы, короткая стрижка, хохолок, чуть раскосые синие глаза, лицо — кровь с молоком. Нос, правда, картофелиной срезанной наискось немного портил общую картину, а так — вылитый киноактер Куравлев в молодости. Очень собранный, самостоятельный, не опаздывал. Когда уже машина персональная появилась, водитель Анатолий признался: «Я как узнал, что вас возить буду, целый день у шоферов знакомых выпрашивал: что да как, какой начальник мне достался...» Мих Михович только рукой махнул: «Зря, мол, старался, напрасно время тратил. Твоя задача — слушать, что тебе говорю и делать именно так, согласно распоряжению, и все

будет в порядке». — «А какую вы больше езду любите: быструю, если, к примеру, куда опаздываем, можно немножко нарушать?» — «Умеренную езду люблю, не быструю, но и не медленную чтоб очень».

Мих Михович был сдержанным человеком. Вперед не рвался, но и задних не пас. И всегда на хорошем счету — и в институте, и потом на заводе, где успел всего полгода инженером поработать, пока мобилизовали в райком партии, инструктором промотдела. Через год заведующим, еще через два — инструктором в горком, завсектором полтора года и потом — инструктором ЦК. Там, правда, тормознулся на пять лет, никак не мог до консультанта дорасти, а после и партия распалась. Так что поднимался, не пропуская ни одной ступеньки, не перепрыгивал и порхал, все своим горбом, руки мохнатой и блата не было — родители скромные совслужащие, царство им небесное и земля пухом. На собраниях обычно отмалчивался, иногда поругивало начальство, но не зло, палку не перегибало, знали ведь прекрасно: самую дурную работу можно поручить Михаилу Михайловичу Огороднику — вытащит, не подведет.

Женился рано, еще в институте, а что — парень видный, девки липли, поехали в колхоз на первом курсе, отбоя по вечерам не было. Мише тоже некоторые нравились, но он как-то сумел

сообразить — если не спешить, не лезть, не создавать лишнего шума, не скалить зубы зря, а выдержать паузу, подходить основательно, не спеша, серьезно, — обязательно выгорит, достанется. А если хохмить попусту, трезвонить, языком зря трепать — ничего не получится, не склеится. Опыт какой-никакой у него имелся. Еще в девятом классе, зав. школьной столовой тетя Паша, как ее все называли, Прасковья Ильинична, когда Миша как-то опоздал на урок, попросила помочь вынести из буфета во флигель корзину плетеную с продуктами. Во флигеле было две комнатухи с предбанником. В одной стоял диван. «Молока хочешь? — спросила тетя Паша. — У меня булка свежая французская есть».

И когда он допил пол-литровую бутылку, еще дожевывал хрустящую корку белой булочки, она уселась рядом, обняла за плечи. Он испугался, дернулся, тетя Паша засмеялась, придвинулась ближе, а его руку положила себе на колено — прохладное и гладкое, как бильярдный шар. Ее же рука поглаживала его ногу чуть повыше бедра, с внутренней стороны, пока, наконец, не нашла, что искала. Он повернул голову к ней, хотел что-то сказать, но уткнулся прямо в полуоткрытые губы, поцелуй был долгим и сочным, где-то посередине она положила его руку себе на грудь. Какие-то моменты он помнил смутно. Когда, например, они

встали с дивана и целовались уже стоя, тесно прижавшись друг к другу. Или как она оказалась на коленях, а его брюки — спущены, свисают на полу, ее растрепанные волосы мешают рассмотреть, что там делается, почему так режет внизу живота, и кажется он упадет сейчас, и чтобы не рухнуть, хватается за ее шею и волосы, и нет сил больше терпеть эту резь, она вдруг застонала, и они опять оказались на диване.

Не он первый, и не он последний, как потом узнал Огородник, лишился невинности в этом флигеле, благодаря стараниям тети Паши. Она, тетя Паша, и в постель его рядом с собой уложила, сама все сделала, потом еще несколько раз было, пока не оставила Мишу в покое. Недавно как-то, он проезжал на машине мимо их школы, попросил заехать во двор, там здорово все расстроилось, на месте флигеля — то ли посольство чье-то стоит, то ли СП, флаг незнакомый полощется, они не стали ближе подъезжать.

В институте девки быстро почуяли в Мишке мужчину, был нарасхват, сам несколько раз выступил в роли «тети Паши». И то сказать, не хотел, боялся, да и не слишком охоч был до всего этого, много ему не надо, — да кто сам напрашивался, а кто и упрашивал: ну не хочешь встречаться, хоть женщиной сделай, не идти же обратно ни с чем...

На третьем курсе он разглядел Людку с соседнего потока — жизнерадостную симпатюлю, всегда пахнущую молоком, пышную и свежую, как французская булочка. Роман был бурным — с размолвками, ссорами, ездой к ней на Теремки, ночевками где попало, одно время они так дорвались друг до друга, почти бросили институт, хорошо, Людкины родители вмешались. Сразу после летней сессии поженились, свадьбу гуляли в общаге на Краснозвездной, возили с Теремков тазики с винегретом, оливье и завернутый в полотенце фамильный «наполеон» на досточке. Подумать сейчас страшно — ни у кого вокруг ни одной машины, все на общественном транспорте! И успевали везде, ничего не сорвалось, и главное — все такие довольные. Они с Людкой недавно фотографии старые рассматривали, случайно выпали из тумбы, что под телевизором, искал он что-то, то ли книжку о футболе старую, то ли затерявшуюся видеокассету, отдать давно надо было. На фотографии все счастливые, поедают этот самый винегрет тещин. Прикинули быстренько: восемнадцать лет назад. Платья — мини, как сейчас, туфли на платформе, волосы у парней на глаза, челки длинные, рубашки нейлоновые, воротнички отложные. Молодость осталась на той фотографии, в той жизни. В новую перешли они с Людкой, да Роман с Антоном. Роман уже на втором

курсе, Антону в следующем году поступать. Как бы какая тетя Паша не встретила их раньше времени — вот ведь о чем думать уже надо.

Десять лет службы в партийных органах — как служба в армии. Себе не принадлежишь, временем не распоряжаешься. Что скажет начальство, — то и делай. Главное не выпендриваться, не лезть в бутылку. Тогда еще было: не брать взяток (не в смысле преферанса, а вообще). Такой вот распас по жизни. Да и взятки-то кто им давал? Обменивались услугами. И то сказать, какие у Миши Огородника услуги — сначала в промотделе — одни заводы, потом, когда ВПШ окончил и диссертацию защитил, в отделе науки сектором заведовал. Ну если хорошо попросить ректора знакомого — чужого ребенка нужного человека — в институт с большим скрипом мог устроить. У ребят из отдела пропаганды (книги дефицитные, подписные издания), не говоря про отдел торговли или легкой промышленности, — возможности куда шире. Ну, связи, конечно, заводились, дружбы, да и свое партийное братство. В райкоме и особенно в горкоме Миша работой не тяготился. Да и некогда было! В горкоме проводили эксперимент: с утра спичечный коробок у телефонного аппарата открытый оставляешь, звонок — спичку вынимаешь, на тумбочку откладываешь, потом уже

трубку поднимаешь. Так до обеда — коробок пустой. А людей проходило! Приемы посетителей — раз в неделю. Да так, чтобы никто, не дай Бог, не обиделся, не пожаловался начальству. «А вы так умеете отказать, — учило начальство, — чтоб человек от вас уходил, как на крыльях, чтоб подъем был, настроение улучшалось...» Да как же, вырастут крылья, если откажешь, жди. Горкомовские остряки даже шутку придумали, как надо обнадежить посетителя отказом: «Ваш вопрос решен положительно. — После паузы: — Вам отказали». Нет, в горкоме все же жизнь нескучная была.

Не то в ЦК. Здесь никто без цели не слонялся по коридору и не бегал с бумагами, как ошпаренный. Все делалось степенно, с толком, чувством, расстановкой. Задание выдавалось на неделю. За неделю, скажем, надо составить докладную записку о состоянии идейно-нравственной и воспитательной работы в вузах Харьковской области. Не более четырех страниц записка и пятнадцати — справка. Неделя на командировку. Сиди в тепле, в кабинете и пиши себе. За целый день никто практически не зайдет, не побеспокоит, не с кем и словом перемолвиться, разве что на обеде, с соседями, да полчаса вокруг здания ЦК с товарищами пройдешься. Казалось, — все условия для работы, никакой текучки, вот о чем

мечтал в горкоме, — чтоб не дергали звонками и поручениями, взаимоисключающими командами, уймой заданий, просьб, приказов, приемов граждан.

Ан нет. В ЦК — труднее. Вот где работа на износ, все жилы выматывает. У начальства-то на твою записку тоже времени побольше. И начинают лизать-вылизывать. То — доработать, то — доузнавать, тот факт заменить, тот вставить, то отрицательных примеров мало, то положительных недостает. Голова к вечеру пустая. И главное — пользы от своей работы не видишь, толку-то никакого. Будто кучу земли перелопачиваешь с одного места на другое. А потом обратно. В горкоме или райкоме — постоянно с людьми. Тому поможешь, другому — сердце радуется. А здесь — только с бумагами. И никому из этого круга заколдованного не вырваться. Недаром в аппарате поговорка ходила: «Те, кто не у нас, всю жизнь мечтают сюда, в ЦК попасть. А кто попал, — только и думают, как вырваться». Из аппарата не так легко уйти. Как раз правило ввели: пятилетку отработаешь — только тогда на другую работу просись. Михаил Михайлович не одну бессонную ночь размышлял, как жить дальше. Если и станет консультантом, на ступеньку выше, или зав. сектором — самое большое, о чем можно мечтать, — еще, считай, на пять лет застрять в этой тугомотине. Дальше — что? Сорок пять лет — зав.

сектором ЦК? — это уже с горки. Или до пенсии в аппарате сиди, не высовывайся, или проректором куда-нибудь в вуз. И то — за столько лет составления докладных записок года два-три придется интенсивно переучиваться, включаться в нормальную жизнь, менять ритм. Что, если откровенно, не совсем прельщало. Был еще вариант: до 40 лет попробовать в докторантуру Академии наук при ЦК КПСС, в Москву. В общагу, без семьи, с сохранением зарплаты. Тоже резко менять жизнь, сходить со знакомой аппаратной колеи. И главное — без семьи. Есть над чем поразмыслить.

Когда система стала рушиться, здесь уж не до уходов и академий было! Два раза он ткнулся, попросился: «Отстань, не до тебя! Ты видишь, что делается. Подожди, вот успокоится...» Привыкший всю жизнь к дисциплине, никогда не перечавший начальству, Михаил Михайлович подчинился и в этот раз, и застрял в аппарате вплоть до закрытия и роспуска ЦК. Ждал: вот-вот ему предложат, вызовут к начальству, трудоустроят — куда там. Безработный, он каждый день, с утра, с часов одиннадцати, начинал кружить вокруг здания на Орджоникидзе, с такими же аппаратчиками, ходили по парку, как когда-то в обеденный перерыв, только теперь обедать шли порознь каждый к себе домой.

Их костерили и едва ли не матюкали прямо на

улицах, стоял самый разгул демократии. Рух хороводил на Крещатике, студенты бастовали на площади Октябрьской революции, теперь — пл. Независимости. Огородник остался без работы. Все эти огромные статьи, выступления новых депутатов с обличительными речами о привилегиях партийной номенклатуры к Михаилу Михайловичу не имели никакого отношения. Потому что он, хоть и проработал десять с половиной лет в партийных органах, к ним не причастен. В ЦК партии пользовался буфетом, можно было, выстояв минут сорок в очереди, взять кило колбасы, полкило сосисок и на «хоздворе» отовариться два раза в неделю куском жирной фасованной свинины. Считалось, им отпускают по сниженным ценам. Если живешь от зарплаты до зарплаты, копейка в копейку, трудно понять, что это значит. Зарплата вся уходила на питание, или как Людка говорила, на унитаз. Ателье «Коммунар», где можно было пошить шапку (раз в пять лет), костюм и пальто, обслуживало партработников, начиная с консультантов. Он был, правда, как и все в ЦК, приписан к больнице и поликлинике четвертого управления, но особых выгод ни для себя, ни для семьи не извлек. Пока болячки не донимали.

Попадались в их кругу рисковые ребята, выезжая в командировку в область, просили то, другое, пятое, десятое. Как правило, не отказывали,

но брали на заметку. Когда надо будет — заложат, сдадут. Или шантажнут. Михаил Михайлович до такого не опускался. И даже один раз, когда возвращался из Винницкой области, ему в купе, под сиденье, подложили два ящика «барских» (город такой — Бар) яблок знаменитых, он так испугался, что оставил их в Киеве на вокзале, в вагоне. Служебной машиной в ЦК пользовались, начиная с замзава — очень высоко, почти недостижимо для Михаила Михайловича. Своего секретаря ЦК, отраслевого, он видел реже, чем членов политбюро и секретарей ЦК КПСС — тех хоть по телеку каждый день крутили, да на праздники портреты вывешивали. Их же «папа», такое впечатление складывалось, засекречен. Михаил Михайлович за пять лет службы в его кабинете был три раза. При приеме на работу, на юбилее, когда отраслевые отделы по очереди поздравляли и однажды, выполняя ответственное поручение, как дежурный по отделу, на революционный праздник, заносил папку с почтой. Такие вот привилегии.

Итак, в августе 91-го Михаил Михайлович остался без работы, вся привычная жизнь рухнула, обвалилась. В это время и случились два события, которые отразились на его судьбе самым капитальным образом. Первого сентября повесился Славик Голубь, инструктор металлургического сектора отдела тяжелой промышленности. До его

прихода в аппарат Михаил Михайлович почти два года был самым молодым сотрудником. Славка, парторг крупного комбината, пришел на два года младше. Они часто пили кофе в кулинарии на Энгельса, болтали о футболе, жили в одном доме на Рылеева (все-таки привилегия — квартиру в цэковском доме получили). У Славки дочка — ровесница Антона, в одном садике, даже в одной группе, жены иногда забирали в очередь. Слава повесился, оставив записку: «Не могу жить, когда нас предали, как собак утопили». Смерть эта наделала много шума, одна якобы демократическая газетка писала, будто Голубь был причастен к переводу счетов партии за границу и его «убрали».

После похорон Михаил Михайлович понял, что если никуда не устроится в ближайший месяц на работу, запросто может пополнить ряды, склонных к суициду. Поминали Славу почему-то в ресторане «Украина» — не их кабаке, здесь он не был еще с институтских времен. В студенческие годы заходили сюда часто, едва ли не каждый день, в «Украине» функционировало круглосуточно два известных всем киевским прожигателям жизни буфета — на 5-м и 7-м этажах, они запросто соскакивали с лекций, чтобы выпить пива, прихватывали с собой чего покрепче, в буфетах на это смотрели сквозь пальцы, закусывали знаменитыми горячими сосисками, солеными

огурчиками, хлеб и горчица на столах бесплатно — чего еще надо голодным студентам. Пару-тройку раз они оказывались и в ресторане, но нечасто, денег таких не было.

Михаила Михайловича удивительно быстро развезло, редкий случай, обычно он и пил мало, но если позволял употребить, — держался в норме, хохмил, мог сплясать с какой-нибудь барышней, анекдоты послушать. Но чтобы напиться, — так же, как и в ресторан ходить — два-три раза в жизни, не больше. В рабочее время — и говорить нечего. А что — держаться уже не надо, руководство — вот оно, за этим же столом. Славки Голубя — нет и никто не вернет, работы — тоже нет, и вообще все они, кто за столом, — преступники, номенклатура х...ва, вы разве не знали?! Его утихомиривали, выводили в туалет, он умывался, уже все разошлись, он да двое ребят из отдела пропаганды допивали со стола. Хоть убей, сколько ни старался, не мог вспомнить, как он оказался на улице с официанткой, что их столик обслуживала, Татьяной, на лавке, в парке Шевченко, где проходила вся его студенческая вольница. Он и стихи, кажется, читал. Намылился было за гитарой, однокурсница здесь рядом жила, на Репина, в доме, где русский музей, Татьяна не пустила. Они застряли тогда до утра. А вообще — на целых пять лет.

Два события произошли в жизни Мих Миховича после смерти Славки Голубя. Во-первых, его позвали на работу, в медико-экологический кооператив, где подвизались все бывшие компартийцы. Казалось, ничего не изменилось, сон был и кончился — точно так же он каждое утро перед зеркалом повязывал галстук и шел на службу. И служба — точно, как в ЦК — писались и читались бумаги, выезжали в командировки, составляли отчеты. Из новшеств: осваивали компьютеры и вместо политучебы по вечерам функционировали курсы английского языка. Кому все это нужно, как и тогда, сейчас тоже не знал никто. «Ну и черт с ним, не привыкать, — привычно думал Мих Михович, повязывая «хомут» перед зеркалом, — лишь бы деньги платили, да при деле быть, не безработным». А зарплату и премии выдавали исправно, нагрузки, что ни говори, все же не те, что в ЦК, дисциплины прежней не было, начальство попускало, иногда можно и сачконуть, если с умом.

И, во-вторых, это и стало самым главным в его новой, другой жизни, или как он говорил еще: жизни после жизни, — у него появилась Татьяна. Он наезжал к ней каждую среду, когда она выходная. Как ни в чем не бывало, Мих Михович

приходил на работу, сидел до половины двенадцатого на иголках, что правда, то правда, зате под каким-нибудь благовидным предлогом смывался, ловил первое лопавшееся такси и мчался к ней на Русановку. По дороге заскакивал в гастроном, брал бутылку коньяку, шампанского, сыра, колбаски, каких-нибудь фруктов — бананов и апельсинов — плитку шоколада, бежал в знакомую арку, боясь опоздать, чтобы в полпервого, точь-в-точь, позвонить в дверь на шестнадцатом этаже.

Татьяна встречала его нарядно одетая, покрашенная, с прической — целую неделю ждала! Прямо с порога они набрасывались друг на друга и начиналось это сумасшествие. Сумка так и оставалась неразобранной, не отрывая губ друг от друга, они из коридора переходили в большую комнату, затем в спальню, где горел ночник и расстелена кровать, белоснежные простыни, атласное одеяло, задернутые темно-малиновые шторы. Целуясь до звона в ушах, они раздевали друг друга, расстегивали дрожащими от волнения и предчувствия скорой близости руками пуговицы, те поддавались с трудом, пальцы дрожали. Вот и лифчик по возможности аккуратно сброшен на кресло, теперь дальше, дальше, дальше. Надушенное, только что вымытое тело, сладость набухших от возбуждения сосков под губами, вот

уже все сброшено, упало на ковер, но некогда его поднимать, он осторожно увлекает ее в постель, на крахмальные простыни, они сжимают друг друга, ничего больше нет, нигде, в целом мире, только они вдвоем и кровать, только они одни, теперь уже одно целое сплетенное тело, ритмично качающееся на белоснежной волне, объятия так сомкнуты — ни просвета, ни щелки, ни разжима.

В полтретьего или ближе к трем они выползали из спальни, долго мылись под душем, при этом нередко дело заканчивалось очередным промедлением, и уже совершенно обессиленные, переходили к обеду. Татьяна классно готовила, ему очень нравилось, так что Михаил Михайлович только нахваливал и подливал. Она пила шампанское, чуть-чуть доливая коньяк. Он — только коньяк. Долго обедали, может, даже часа полтора или два, ели апельсины, курили, пили кофе. И снова ложились в постель. В этот раз все уже обстояло иначе, секс неторопливый, неспешный, но, как говорила Татьяна, долгоиграющий. Она выпивала его до капельки, опустошала до самого доньшка, так что когда он в начале двенадцатого, но уже вечера, возвращался домой, сил никаких не было. «Вот что значит валиться с ног», — рассеянно успевал подумать Михаил Михайлович, прежде чем уснуть рядом с Людмилой, которая, впрочем, успевала еще облаять своего благоверного

полусонным замечанием-ворчанием типа: «Ну где шпаться можно, 12 часов ночи!». «Какая разница — где», — мелькало в голове у Михаила Михайловича, и он сразу отключался, без задних ног, до полвосьмого утра без сновидений и угрызения совести. Два следующих дня, четверг и пятницу, — он отходил, щурясь в улыбке, как кот на солнышке, от удовольствия и тепла, полной расслабухи. То одни, то другие эпизоды, картины, обрывки минувшего свидания проплывали перед глазами. Их разговоры, осколки фраз, историй, которые они рассказывали друг другу в промежутках. За эти дни он прокручивал в памяти все свидание. На десерт оставались, конечно, самые заветные картины. Как он входил, как это было близко и ощутимо, как она помогала, извиваясь под ним, как кричала в самый главный момент, а он, шутя, закрывал ладонью ей рот, и она кусала его пальцы, сколько раз он смог, и почему так много. Наверное потому, приходил к мысли, что в тот момент ни о чем таком не думал, не напрягался, не заставлял себя, просто получалось как получалось, естественно, без надрыва, без притворства. Наверное, Татьяна права: они, как две половинки, нашли друг друга, склеились в постели.

Выходные, ладно еще, проходили быстро, а с понедельника — невыносимо мучительно ждать, казалось, их среда никогда не наступит, и когда

никаких сил уже не было, они звонили друг другу, чтобы услышать родной голос, сам тембр голоса в трубке уже успокаивал, обнадеживал: нет, все-таки будет среда, не может не быть, и они встретятся. И так проходил еще день, и вторник уже позади, оставалось только ночь продержаться, а в среду все повторялось почти со стопроцентным наложением и соблюдением очередности. И когда однажды они не встретились в среду, он ездил в Хмельницкий, в командировку, и не успел вернуться, накатил такой облом, вот-вот задохнется, сердце не выдержит. Они ехали куда-то в район по мерзлой грунтовке, он в отчаянии, от безысходности, взглянул на часы — четверть третьего — «это мы еще в постели». Полпятого, — «еще сидим за столом, но скоро, скоро пойдем отдыхать».

Недели проносились как бешеные собаки. От среды до среды. Больше ничего не существовало. Они гнали время, жили только по средам. Расстались на целый месяц, нет, на три недели — в августе, когда уезжали в отпуск, приехали, — стоит ли говорить, какой устроили фейерверк, кровать не выдержала, наклонилась и сбросила их на пол, они удержали друг друга и продолжили на ковре — невозможно оторваться, да и сколько можно терпеть друг без друга! Потом рассматривали фотографии — она с подругой в Праге. Одну она отложила, долго не показывала, приберегала. Ночь,

прекрасная августовская ночь, луна, звезды мерцают, то ли лес, то ли парк, фонари, впрочем, горят, значит парк, и она полулежит, опершись на поваленное дерево. Совершенно нагая, без ничего. Куда твоей открытке, лучше любой картины. «Это я тебе, для тебя сфотографировалась. Чтобы всегда на меня смотрел». Долго думали, куда деть, где ему прятать фотографию, чтоб ни дома, ни на работе никто... Так ничего и не решили. «Ладно, — сказала Татьяна, — я ее пока у себя оставлю, там поглядим...»

Татьяну все называли Вишенькой. Лучше не скажешь — все спелое, румяное, сочное, летящие навстречу губы пахнут вишневым вареньем, искрящиеся темно-коричневые глаза, скуластые румяные щеки. Небольшая, Мишке по грудь, ладненькая, стройная, как пешечка слоновой кости. Скорее в теле, чем фотомодель. Тем не менее — ни грамма лишнего. Замужем побывала, рожала, а ни складочки, ни морщинки, зацепки чтоб какой. А доверчивая, — жутко. Иногда казалось, наивная. Не признавала никаких расчетов, схем, ее тошнило от формулировок, попыток всему дать объяснение, название, к чему так тяготил Мих Михович. Она считала то, что с ними случилось, происходило, — названия не имеет, еще не научились люди его обозначать.

Как-то они остались в ее квартире на трое

суток, она вставала только на кухню, что-то быстренько приготовить, или в душ помыться, — сплошное сумасшествие. Они называли это патологией. Дошло до того, что как-то он пришел не в свое время, а ее сын был дома, а Михаил по привычке раздеваться стал в коридоре, пуговицы расстегивать на рубашке, в переднюю влетел почти голый, напоролся на испуганный взгляд сына. Татьяна так и застыла с полуоткрытым ртом, как начала смеяться — тихонько, как полоумная, нервически, час не мог успокоить, когда сын юркнул в незакрытую дверь, и он понес ее на руках в спальню.

И то, что он вытворял, — удивляло, откуда только взялось, вдруг прорвало, лилось, как из брандспойта. Главное, — не придуриваться, не считать, не прикидываться — ничего не надо. Вишенька дело свое знала туго, глотала таблетки, когда его не было. Сверялась с календариком. Самое удивительное — ни разу ее месячные им не помешали за пять лет, — цирк, невероятно, непостижимо, как объяснить — любая логика бессильна. Точно: патология! Однажды она вышла его проводить ночью, надо было через какой-то скверик, палисадничек, поляну, усеянную желтым кленовым листом переходить, луна светила впереди и вверху, подвешенная к небу, как старый юбилейный рубль. Эту поляну — до трассы минут

пятнадцать — они переходили всю ночь туда-обратно, припадая друг к другу почти что у каждого дерева, а то садились, а то и ложились, и только, когда по трассе пошли машины, задрезжал вдали трамвай по мосту Патона, взошло солнце, ударилось в золотые купола лаврских церквей, и отражение упало на их изможденные лица, поняли: утро, прохожие чесали напрямую, через их полянку, черти носят в такую рань, не спится людям!

Каждый раз после таких свиданий Михаил Михайлович дубел кожей, отрубался, все меньше слышал и замечал, замыкался в себе. Именно за эту внутреннюю угрюмость, сосредоточенность в студенческие годы его прозвали Луноходом. Неожиданно эта кличка всплыла, его так стали звать за глаза на работе. Тогда в молодости друзья заметили, что Мишка Бараболя, как чуть подохнет, теряет всякую ориентацию, возвращаясь из общаги на Ломоносова пешком, все не может правильно вписаться в пешеходную развязку у автовокзала, ходит и ходит кругами под мостом. Однажды всю ночь кружил, не мог выйти на Красноармейскую. Его однокурсники помнили, как он спешил с бутылкой из гастронома, перепутал здания общежитий, забрел в аспирантское, поднялся в комнату, а там — две аспирантки из капстраны в ночнушках, такой визг подняли. Скандал ужасный

— Бараболу в милицию замели, ночь там провел, грозили исключением, чудом выкарабкался, проскочил...

Теперь, когда Танька-Вишенька со своей любовью соскоблела замшелость, потертость, неухоженность почти заброшенного мужчины, проветрила и высушила его на солнце, он снова стал молодым, нерастраченным, беспечным, свободным от всего Мишкой Огородом, хлебавшим вино на первомайской демонстрации из бумажного стаканчика с дырявым дном, и так как носового платка под рукой не было, вытираться приходилось красным флажком с изображением Кремля, потом еще свежая желтая пыльца опадала с губ, как весной от цветка. Так он и передвигался, как в полусне, луноходом, зомбированный ее любовью, пребывая как бы под наркозом. Ничего к нему не прилипало, не приставало, все обламывалось и отскакивало, как от деревянного. Домашние думали: переживает, переваривает, ведь сколько всего в одночасье случилось — и развал Союза, и закрытие компартии, и работы человек лишился, места хлебного, привилегий, льгот, положения. Так что поначалу и врать ничего не надо было, ходи себе замкнутый, угрюмый, переживай, пропускай через сито, процеживай, оставляя себе золотые крупы, мамые желанные. А настоящее, вот именно, было только по средам, в самый лучший

теперь день недели: разостланная постель с крахмальными простынями, два сплетенных тела, две пары смеющихся, летящих навстречу глаз. Настоящей в его жизни теперь была только Татьяна-Вишенька.

4

Спроси кто ее — не ответила бы, потому что и сама не знала, для чего ей все это. Когда познакомились тогда в ресторане, — что значит познакомились, — Татьяна его уволокла пьянющего в Шевченковский садик, на скамейку, слушала полночи пьяный бред, стихи, ерунду какую-то, терпела его губы, отдающие селедкой с луком, — а этот запах она ненавидела! Поздно ночью уступила ему прямо на этой скамейке. Потом он часто вспоминал ту ночь, считал ее первой, она никогда так не думала, и свой отсчет вела не с 28 сентября, как он, а с 3 октября, их первой среды в ее квартире.

Татьяна по пустякам старалась не спорить. Зачем? Не принципиально. Лучше согласиться. С мужчинами тем более, иначе неприятностей не оберешься. А что делать женщине без мужа, тридцать семь лет, когда надо все время как-то устраиваться. Попробуй, скажи ему, что на этой лавочке с мужиками она знакомилась не первый

раз. После смены ей часто назначали свидания, оставалось только выбирать: идти или не идти. Так что Татьяна не хотела считать тот раз началом. Грязно, мерзко, неприятно, как сучка какая.

Нерастраченного, незабратого много еще оставалось в Мишке, о чем, наверное, он и сам не знал, а она почувствовала, достала, сумела разбередить, растормошила его. Сперва ни на что и не рассчитывала: так, думала, переспим — и ладно, разбежались. Давно себе зарок дала: не раздеваться душой перед ними, не раскисать, не доверять до конца. Все они — козлы вонючие, ни хрена не поймут, обманут, честно с ними нельзя, — сделал свое дело — вали кулем. Чтобы выпить-закусить, — пожалуйста, а душу изливать — накусь-выкуси! Не девочка, не двадцать лет.

К Мишке ее потянуло, как бульдозером. С того самого первого раза на лавочке. А как в постель у себя его уложила, вымытого в душе, обцеловала всего, на него взобралась — поняла: влипла капитально! Ну почему же так не везет? Недавно одного такого еле оторвала, отодрала с мясом, всю душу изранил, три года из жизни вычеркнуть. На дурную голову любовь сама лезет. Любила до потери пульса, вены хотела резать, спасибо, подруги с кабака не дали, удержали. Таблеток наглоталась — еле откачали. Заморочил голову, женатый, двое детей. Как у Мишки. Все

лапшу на уши вешал. С тем и ушел. Квартиру эту, между прочим, он ей купил. Когда уходил, полторы штуки баксов оставил. К жене подался, в семью. Думает, лучше ему будет. Да к какой жене, при его-то запросах жена на двадцать девятом месте. Свободу любит, не накобелевался еще. Совести совсем нет. Приплелся как-то в кабак с другом и двумя сосками, лет по 19, одни ноги, как ходули. Да еще в ее смену, подонок. Ну она их быстро турнула. «Еще раз сюда придешь, — тебя изуродую, что будет под рукой — в харю твою противную запущу, кислотой оболью, яйца повырываю!».

В любви клялось, падло такое! Потрахаться хочешь — делай свое дело и слезай, уматывай к едреней фене! Так нет, заливает про любовь, высокие материи, слова всякие знает. Она, дура, развесила уши. Вообразила, будто и вправду любит, что-то еще обломиться может. Отдыхать брал с собой. В Болгарию, правда, не в какую-нибудь Италию или на Мальту. На дельтаплане летали, привязанные, целовались на водных лыжах. Питание — в ресторанах только, завтраки горничная в постель носила. У кого хочешь голова закружится. Она и поверила, серьезно, думала, в душу запала. Иначе зачем по заграницам таскает? Запросто ведь мог блядушку какую склеить, приключение на свою жопу найти. А он — ее, разведенную...